

ИСТОКИ МОРАЛИ, ОРИЕНТИРОВАННОЙ НА ИНДИВИДА И ГРУППУ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЙ АСПЕКТЫ¹

© 2016 г. М. А. Козлова*, А. И. Козлов**

* Кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва;
e-mail: makozlova@yandex.ru

** Доктор биологических наук, старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва;
e-mail: dr.kozlov@gmail.com

В обзоре ставится задача верификации концепта “моральных оснований” (Дж. Хайдт). Обосновывается наследственная детерминированность индивидуализирующих моральных оснований – заботы и справедливости, но оспаривается генетическая закрепленность группоориентированной морали – ингрупповой сплоченности и вертикальности. Обращение к нейробиологическим исследованиям позволяет представить нейронные механизмы связывания генетических и средовых факторов. В качестве направления возможной интеграции социально-психологических, антропологических, генетических и нейробиологических подходов рассматривается исследование моральной сферы сквозь призму идентичности.

Ключевые слова: моральные основания, антропология морали, группоориентированная мораль, забота, идентичность.

Исследование проблем происхождения и механизмов реализации морали, хотя и имеет долгую историю, сегодня составляет одно из наиболее интенсивно развивающихся направлений [10]. Причем указанные проблемы попадают в сферу интересов как социально-гуманитарных, так и естественных наук. Ставя принципиально сходные вопросы (на социальном уровне – “на чем основано наличие универсальных и культурно-специфичных аспектов морали?”, на индивидуальном уровне – “каков механизм влияния морали на индивидуальное поведение?”), психологи, антропологи, генетики и нейробиологи фокусируются на изучении одних областей морали, апеллируя зачастую к одним и тем же категориям [31]. В представленном обзоре предпринимается попытка определить перспективы интеграции социально-психологического, антропологического и нейробиологического подходов на примере

анализа сложностей, возникших при развитии социально-психологической Теории моральных оснований Дж. Хайдта (*J. Haidt*).

Моральные нормы, наряду с обычаями и нормами права, – один из основных механизмов социальной регуляции. Согласно устоявшейся в социально-гуманитарных дисциплинах традиции, возникновение морали трактуется следующим образом. Мораль формируется в практике массового поведения и воспроизводится повседневно силой массовых привычек и оценок общественного мнения. Достоянием индивидуального сознания моральные знания, убеждения и действия становятся в ходе ранней социализации. Из этого вытекает представление о культурной вариативности морали: мораль как регулятивный механизм универсальна, но содержание моральных норм зависит от культурного контекста [38, 59, 69, 70, 88], поскольку культуроспецифичные принципы и механизмы социализации неизбежно способствуют воспроизводству разных моральных систем.

Однако в созданных разными народами в разные исторические эпохи морально-нравственных

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта “Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия”, грант № 14-18-03784, Сообщество профессиональных социологов.

системах выявляются и универсальные компоненты: взаимопомощь, ограничение физического насилия, регулирование питания и сексуальности и ряд других. Что привело к формированию этих универсалий? Именно на этом вопросе базируется интерес к морали со стороны не только социальных наук, но и естественных.

В последнее десятилетие трансформация проблемы морали из социальной в проблему нейробиологии стала одним из наиболее выраженных трендов (см. обзоры: [17, 65, 78, 81, 92]). Впрочем, еще со времен Дарвина мораль наделялась биологической сущностью и признавалась полезным “атрибутом”, повышающим шансы на выживание и воспроизводство [8, 41]. С середины XX века мораль трактуется как продукт эволюционной истории человечества, включающий биологические компоненты, в частности, наследуемость [8, 11].

Исходная точка рассуждений в представленном обзоре связана с ключевыми положениями авторитетной социально-психологической Теории моральных оснований (ТМО) (*Moral Foundations Theory*) [51, 46]. Попыткой найти подтверждения позиций, высказанных американскими социальными психологами, обусловлено обращение к работам антропологов и генетиков. Однако указанное поле не представляет веских аргументов в пользу врожденности и универсальности “спланированных” моральных оснований, и круг поиска расширяется за счет рассмотрения возможных генетических и нейробиологических баз формирования моральных оснований. В заключительном разделе статьи мы вновь обращаемся к используемому в социальной психологии концепту идентичности как к точке пересечения интересов психологии, социологии, нейробиологии. Мы высказываем предположение об эвристическом потенциале концепта идентичности именно в отношении дальнейшего междисциплинарного исследования основ морали.

МОРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАСЛЕДУЕМЫХ АСПЕКТОВ МОРАЛИ

Подход, утверждающий наличие врожденных механизмов нравственности, все глубже укореняется в социальных дисциплинах, обретая широкий круг сторонников среди психологов, социологов, антропологов. Психологические интерпретации основываются на положении о существовании интуитивных сигнальных механизмов, которые

позволяют любому человеку распознавать ситуации нарушения моральных установлений, независимо от того, подвергался ли индивид специально организованным воспитательным воздействиям или просто жил в среде себе подобных [12, 50]. В социологии и социальной психологии это положение находит поддержку в идеях, восходящих к Вильгельму Вундту и развитых Робертом Зайонцом и Джоном Баргом, о том, что разум управляется постоянными вспышками аффекта в ответ на всё, что мы видим и слышим [20, 21, 93]. Мозг, ориентированный на оптимизацию и повышение скорости принятия решения, производит аффективно-заряженные интуитивные реакции почти на всё, а особенно на стимулы, имеющие отношение к морали. Относительно медленные (протекающие на протяжении секунд) логические рассуждения в лучшем случае используются для поиска обоснований решения, которое было принято за миллисекунды, или — для коррекции первоначальных интуитивных озарений. Традиционно в основе решения проблемы морального регулирования рассматривалось ключевое различие между двумя видами познания: интуицией (быстрой и, как правило, аффективно нагруженной) и рассудочной деятельностью (медленной, “хладнокровной” и менее мотивирующей) (см. обзор: [7]). Однако исследования последнего десятилетия свидетельствуют об относительности границ между ними [44], подчеркивая роль ценностей [13] и иных личностных характеристик в принятии моральных решений и формировании связи между решением и действием [5–7]. Роль эмоций как сигнально-организующих механизмов морального поведения представляется высоко значимой.

Эти соображения легли в основу чрезвычайно влиятельной в современной психологии Теории моральных оснований, став первым из базовых ее положений.

Вторая ключевая позиция ТМО, связанная с вопросом о культурной вариативности/универсальности морали, предполагает раскрытие базовых моральных установлений, которые обозначаются как “моральные основания” (их точное число и используемые для обозначения термины несколько различаются в разных публикациях). Так, в качестве моральных оснований рассматриваются забота (*Care/harm*, предполагающая защиту и опеку нуждающегося) и справедливость (*Fairness/cheating*, распределение наказаний и поощрений в соответствии с установленными правилами). Эти основания ориентированы на воспроизводство добродетелей и практик, направленных на

защиту людей друг от друга и позволяющих им жить как автономным агентам, которые могут сосредоточиться на своих собственных целях, — нормы, выявленные в работах, составляющих классику психологии морали [45, 61, 76]. К указанным двум основаниям добавляются принадлежность к группе/лояльность (*Loyalty/betrayal*, верность интересам группы, оправдание “своих”), власть/уважение (*Authority/subversion*, безоговорочное признание и подчинение традициям и индивидам, наделенным властными полномочиями) и нравственная чистота (*Sanctity/degradation*, почитание объектов, наделенных группой статусом священных), которые, по мнению авторов ТМО, прицельно работают на формирование групповой сплоченности и поддержание устойчивого развития группы [51].

Концепт “моральное основание” раскрывается авторами Теории через пять положений-признаков, которым должно соответствовать базовое моральное установление: оно должно рассматриваться как общая норма, позволяющая оценивать собственное поведение и действия других; предполагать набор автоматических ответов на его нарушения; быть широко распространено в различных культурах; являться врожденным; быть адаптивным в эволюционном отношении [46]. Три последних критерия требуют более пристального рассмотрения и доказательного обоснования. Само их содержание требует включения в рассуждения и аргументацию данных не только психологических, но и антропологических, этологических, генетических и нейробиологических исследований морали.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ МОРАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ

Логика верификации моральных оснований предполагает поиск подтверждений ТМО в разных типах обществ и в разные периоды человеческой истории, прежде всего с опорой на археологические данные и результаты исследований палеоантропологов и этологов — в обществах, характерных для ранних этапов человеческой истории. Авторы ТМО сами указывают на то, что наиболее информативным в этом отношении может быть исследование моральной регуляции в группах кочевых охотников и собирателей. Во-первых, их образ жизни делает наиболее “выпуклым” адаптивный эффект тех или иных моральных оснований [46]. Во-вторых, именно кочевой образ жизни в сочетании с присваивающим типом хозяйства и соответствующая им социальная ор-

ганизация на протяжении наиболее длительного времени были единственными способами организации человеческих групп. Поэтому “исследование вопросов, касающихся агрессии, социального контроля, собственности, лидерства, использования пространства, и многих других параметров особенно значимо в этом социально-экономическом контексте” [23, с. 4].

Моральные основания групповой сплоченности. ТМО предполагает, что обязательной частью социальной организации приматов является иерархия, которая проявляется и в разных человеческих обществах. Грэхам (*Graham*) с коллегами утверждают, что это моральное основание “часто срабатывает в межличностном взаимодействии и обеспечивает легитимность современных институтов, например, права, а также руководство и лидерство в различных областях” [46, с. 13]. Однако, как отмечают приматологи, демонстрация доминирования весьма существенно различается у разных видов, что ставит под вопрос утверждение о генетической укорененности власти/почитания авторитета как общего наследия приматов. В частности, два наиболее близких к человеку вида — шимпанзе и бонобо — заметно отличаются в проявлениях доминирования [4].

В человеческих обществах вариативность проявлений власти и ее почитания очень высока: некоторые общества основаны на эгалитаризме, другие — на иерархии. Но данные о кочевых обществах охотников и собирателей опровергают предположение, согласно которому власть/почитание авторитета представляет собой моральное основание. Кочевые общества просто не имеют резко выраженных иерархических социальных институтов и ролей. Иерархический социальный строй, который проявляется, например, в царствах, древних государствах или тоталитарных режимах, сформировался совсем недавно [40]. Напротив, общества кочевых охотников и собирателей характеризуются как имеющие эгалитарные ценности, высокую степень личной автономии и отсутствие авторитарных лидеров [26, 40]. У них “либо вообще нет лидеров, либо влияние лидеров очень искусно сдерживается, чтобы предотвратить использование влияния на приобретение богатства или престижа” [90, с. 444]. Ликок также подчеркивал: «Трудность понимания структуры эгалитарной группы заключается в том, что лидерство здесь находится не просто в слабом или “зародышевом” состоянии, как это обычно представляется, оно не имеет значения вообще» [63, с. 249].

Так как в кочевых обществах отсутствуют и институциональные механизмы (такие как полиция и судьи), и авторитетные лидеры (которые имеют возможность контролировать других), члены групп при столкновении с нарушителем спокойствия могут объединяться. Бэм называет феномен группы, коллективно осуществляющей общественный контроль над отклоняющимся поведением, “обратной иерархией доминирования” (*reverse dominance hierarchy*) [26, с. 208]. Такие коллективные действия необходимы как раз потому, что социальный порядок является эгалитарным. В числе механизмов социального контроля могут быть использованы насмешки, критика, применение физических наказаний или запугивание с помощью магии, ostracism, сплетни, угрозы, в первую очередь, возмездием сверхъестественного порядка, лишение социальной поддержки [41].

В любом случае, кочевые общества охотников и собирателей отличаются высокой степенью эгалитаризма. Кочевые сообщества демонстрируют во всех случаях элементы кооперативной социальности: равноправие, самоуправление, участие, заботу; в то время как предполагаемые проявления моральных оснований ингрупповой лояльности и почитания авторитета: межгрупповая враждебность, четкие социальные различия, наличие авторитетных лидеров и иерархических институтов – зафиксированы не были [64].

В числе моральных оснований ТМО рассматривает также формирование сплоченной коалиции среди членов группы (ингрупповой лояльности), вызванное межгрупповой конкуренцией и направленной против других групп. Однако универсальность и этого основания опровергается антропологическими данными. Во-первых, состав кочевых сообществ не являлся неизменным [40]; для того же, чтобы ингрупповая лояльность могла сформироваться и тем более – закрепиться, членство в устойчивой группе должно быть четко определено. Разнообразные же сети отношений, которые охватывают различные группы, паттерн входа–выхода (*fission–fusion*) и изменение группового состава с течением времени работают против развития Групповой лояльности, поскольку при таких условиях группа недолговечна. Более того, индивиды в кочевых обществах могут быть преданы друзьям и родственникам, включенным в другие группы. Так формируются связи, которые отражают и развивают межгрупповые отношения дружбы и сотрудничества [18, 40]. Эти особенности свидетельствуют против утверждения межгрупповой конкуренции и преданности

группе в качестве базовой формы социальной организации.

Развитие ингрупповой лояльности и аутгрупповой враждебности, безусловно, встречаются часто, однако сформировались эти механизмы сплоченности относительно поздно – после освоения земледелия, распространения оседлости, формирования относительно жесткой социальной иерархии и т.п. [39, 40, 49]. С выводами антропологов согласуются археологические данные относительно кочевых обществ охотников и собирателей, отвергающие конкурентную модель межгруппового взаимодействия, отраженную в моральном основании ингрупповой лояльности.

Индивидуализирующие моральные основания. Для социальных видов хищников и приматов, включая *Homo sapiens*, характерны замедленные темпы роста и длительное детство, обуславливающие высокий родительский вклад в потомство. Снижению нагрузки на материнский организм могли способствовать различные биологические и поведенческие адаптации [18, 28, 87]. Во-первых, благодаря характерному для *H. sapiens* значительному интервалу между ранним неврологическим и поздним сексуальным созреванием в популяции складывается группа детей и подростков, социальные роли которых включают присмотр за малышами взамен матерей (“гипотеза бэбиситеров”) [27]. Во-вторых, хотя у всех видов животных отбор направлен на снижение продолжительности жизни после завершения репродуктивного периода, у *H. sapiens* ситуация противоположная [89]. Среди исследований, посвященных разрешению этого парадокса, важное место заняла “гипотеза бабушек” [53, 54]. Согласно ей, смена направления отбора обусловлена длительным детством у древних *Homo*. Преимущество получили группы, в которых представители старших возрастов (“бабушки”) вносили больший вклад в уход, защиту и снабжение детей пищей, снижая таким образом давление на женщин фертильного возраста. Наблюдения в традиционных обществах подтверждают, что отсутствие бабушек по материнской линии или сохранение ими репродуктивной функции ассоциировано со снижением статуса питания и выживаемости потомков [79]. Таким образом, замедленное взросление детей оказалось фактором, благоприятствующим увеличению продолжительности жизни женщин, вышедших из детородного возраста.

Группы “бэбиситеров” и “бабушек” обеспечивают “зону безопасности”, в пределах которой дети имеют возможность участвовать в добыче продовольствия. Так, дети хадза уже в возрасте

5 лет самостоятельно обеспечивают до 50% потребностей в калориях [25]. Анализ ситуации в других группах с традиционным образом жизни подтверждает высокий “прямой” (обеспечение продовольствием) и “непрямой” (высвобождение взрослых как рабочей силы) вклад младших детей в суммарный экономический баланс популяции [62].

Вероятно, взаимные интересы внуков и бабушек в очередной раз в эволюции человека вызвали эффект положительной обратной связи: сформировалось и закрепилось “обратное” направление поддержки, при котором молодые члены группы поддерживают старших. Палеоантропологические свидетельства ухода за ранеными и старыми индивидами известны и для *H. erectus* [66], и для неандертальцев [74, 82], и мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе.

Забота связана с базовым для млекопитающих паттерном вскармливания зависимых детенышей – тенденцией, которая отчетливо проявляется у приматов и, в частности, у человека, отличающегося длительным периодом младенческой зависимости. Де Вааль указывает, например, на огромный потенциал эмпатии, выраженный у некоторых приматов и других групп животных [4]. Отметим, что люди склонны расширять “радиус” заботы, проявлений доброты и помощи, охватывая и неродственников. Происхождение “Человека заботливого” имеет давние и прочные корни в эволюции, поэтому неудивительно, что забота как моральное основание широко представлена среди кочевых охотников и собирателей: лечение и уход за детьми осуществляются не только родителями, но гораздо более широким кругом взрослых [55]. Характерной особенностью кочевых групп оказывается “мораль сотрудничества и альтруизма, укорененная в семье, но распространяемая на всю группу” [26, с. 67].

Образ жизни охотников и собирателей подкрепляет и предположение авторов ТМО о том, что люди проявляют особенную чувствительность к сотрудничеству и обману [46]. Подавляющее большинство социальных взаимодействий кочевников предполагает просоциальное поведение – инициативные и ответные добрые дела. Обширное исследование этнографической литературы позволило сделать вывод о том, что кочевники ценят проявления щедрости, сотрудничества, мягкости и скромности [26]. К нарушителям применяют моральные санкции: “в сущности, группа хранит досье на каждого человека, отмечая положительные и отрицательные моменты” [26, с. 73]. Мошенники редко процветают в малых взаимоза-

висимых обществах, они получают возмездие через критику, насмешки, лишение поддержки, физические наказания и ostracism [40; 41]. Таким образом, данные о кочевых обществах охотников и собирателей в целом согласуются с постулируемым ТМО конструктом “честность/справедливость” как критерием морального основания [9].

Однако широкое распространение в группах кочевых охотников и собирателей норм, базирующихся на моральных основаниях, связанных с обеспечением групповой сплоченности и иерархии – “Ингрупповой лояльности” и “Почитании авторитета” – не находит подтверждения в работах антропологов [42].

Итак, на основе обзора публикаций психологов – авторов ТМО – и антропологов, исследовавших механизмы моральной регуляции в находящихся на стадии присваивающего хозяйства обществах, наличие наследственно детерминированных механизмов морали представляется вполне вероятным. Однако достаточно обоснованными можно считать лишь те из этих механизмов, которые отнесены к числу “индивидуализирующих”, позволяющих членам группы сосредоточиться на своих собственных целях и при этом жить в гармонии с окружением. Другими словами, это практики, производящие добродетели и направленные на защиту членов группы друг от друга [51]. При этом под вопросом остается собственно генетическая база моральных оснований групповой сплоченности.

ВОЗМОЖНЫЕ ГЕНЕТИЧЕСКИЕ И НЕЙРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ БАЗЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОРАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ

Обоснованность предположения о наследственной детерминированности “индивидуализирующих” механизмов морали при отсутствии данных о генетической базе моральных оснований групповой сплоченности укладывается в рамки концепции, несколько утрированно изложенной Э. Тюркхеймером [83] в виде “Трех законов генетики поведения”: 1. Все поведенческие признаки людей имеют наследственную компоненту; 2. Эффект влияния социальной группы ниже генетического; 3. Значительная часть изменчивости сложных поведенческих черт людей не объясняется влиянием ни генов, ни окружения. По сути принятие этой концепции означает признание того факта, что генетически закрепленными являются лишь общие предпосылки к актуализации нейробиологических механизмов.

Дальнейший поиск генетических основ морали может идти различными путями: исходя или из разнообразия поведенческих фенотипов, или из влияний генетических факторов на определенные структуры мозга. Первый путь предполагает накопление информации, свидетельствующей о том, что специфика социального и морального поведения на популяционном уровне ассоциирована с генетической вариативностью. Проблема, однако, в сходстве моральных установок в самых разных группах *H. sapiens*. Если эволюционная база морали действительно едина для нашего вида, “популяционно-ориентированный” путь может оказаться по меньшей мере долгим. Второй подход – с позиций нейробиологии и функциональной геномики – предполагает изучение влияния на социальное (моральное) поведение эффектов, обусловленных влиянием того или иного гена или аллеля на определенные структуры мозга.

Мозг, таким образом, понимается как локус интеграции влияний внутренних и внешних факторов формирования морали – генетики и среды. Современные исследования отличаются преимущественной ориентированностью на изучение нейробиологических основ морали [43, 65]. Это не только выявление областей мозга, связанных с моральными эмоциями, суждениями и поведением [47, 48, 68, 91], но и исследование роли нейромедиаторов [34], гормонов [73], нейропептидов [37].

Всё большее внимание уделяется вентромедиальной префронтальной коре – отделу, входящему в систему положительного дофаминэргического подкрепления головного мозга (“систему награды”) и генерирующему реакцию на социальные эмоции [80]. Участие префронтальной коры в регуляции “социально окрашенных” эмоциональных реакций и вовлеченность в процессы разрешения моральных проблем подтверждено клиническими исследованиями [31, 60]. При этом нейробиологические исследования последнего десятилетия показывают, что важная основа морали – социальные эмоции, то есть эмоции, вызванные переживаниями Другого, – лишь на первый взгляд связаны с психическими качествами и состоянием других людей. На самом же деле социальные эмоции инициируют рефлекссию относительно собственных взглядов и поступков и, как следствие, – желание участвовать в социально значимых нравственных действиях. Промежуточным звеном между социальными эмоциями и моральными действиями оказывается этап самоанализа, предполагающий осознание связанных с эмоциями висцеральных ощущений [57].

Важно подчеркнуть, что сложные социальные эмоции (сострадание, восхищение добродетелью и т.п.) не рождаются автоматически, а основаны на активных рассуждениях о соответствии реальности и социальных представлений [56]. Эта работа, во многом не осознаваемая индивидом, может проявиться каскадом психических и соматических изменений, которые составляют то, что называется “эмоциональной” уверенностью [35]. Применение метода, основанного на вызывании эмоций сострадания и восхищения, позволило обнаружить, что социально обусловленные эмоции вовлекают задне-нижний прекиральный и близлежащий ретроспленальный участки поясной извилины коры [58]. Функционально эта область включена в сеть, формирующую чувство собственной (личной) значимости и высокий уровень самосознания [36]. Активность в этой области подавляется при выполнении заданий, требующих концентрации внимания на внешних объектах [29], но усиливается при решении задач, связанных с вынесением морального суждения [47, 48, 86].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА К МОРАЛИ

Даже подходя к осмыслению морали с позиций анализа нейронных структур, мы неизбежно вторгаемся в зону, очерченную вокруг проблемы идентичности – *Self*. Рассмотрение морали сквозь призму идентичности стало доминирующим ракурсом в психологии с 1980-х годов, когда А. Блази в серии работ удалось переключить внимание психологов с рассмотрения традиционных тем – моральных суждений и оценок – на поиск феноменов, позволяющих морали “знаемой” воплощаться в морали “действующей”. Блази предположил, что центральная роль нравственности в самоидентификации индивида может быть основным фактором, влияющим на прочность связи между моральным суждением и моральным действием, и способна оказывать большое влияние на осуществление нравственного поведения. Эта идея трансформировалась в проект исследования морального Я [23, 24]. Однако на протяжении длительного времени исследования моральной идентичности велись независимо друг от друга в рамках не только разных наук, но и в рамках психологических субдисциплин – персонологии и социальной психологии, не обнаруживая стремления к интеграции [77].

Результаты современных антропологических, психологических и нейробиологических исследований позволяют наметить пути интеграции. Вновь обратимся к Теории моральных оснований, в рамках которой утверждается, что разделяемые сообществом моральные основания включаются в систему ориентиров социализации новых поколений, становясь своего рода “учебными модулями” [50]. Эти сформировавшиеся и укрепившиеся блоки, с одной стороны, используются для выстраивания целостной системы мировоззрения ребенка, с другой – генерируют большое количество более конкретных систем оценивания и поведенческих моделей. Эти схемы и модели помогают детям быстро и почти автоматически распознавать примеры ценимых в данной культурной среде добродетелей и осуждаемых пороков и, в соответствии с проведенной оценкой, поддерживать или отвергать те или иные практики.

Обращение к идентичности как феномену, рождающемуся во взаимодействии индивида с другими, позволяет рассматривать моральные аспекты идентичности (*moral Self*) как внутренний стандарт, интериоризированные культурные коды, которые определяют, что правильно или неправильно, хорошо или плохо, приемлемо или неприемлемо [2, 3, 14, 15, 84, 85], в соответствии с которыми индивид выносит суждения о собственном поведении. Таким образом, можно предположить, что в культуре коллективистской, ориентированной на групповые ценности, обеспечение групповой безопасности, целостности и конкурентоспособности, в ходе социализации формируется группоориентированная идентичность. Эта “Мы-идентичность” может выступать в качестве своего рода “точки отсчета” в процессе формирования моральных эмоций, сцепленность которых с нейробиологическими механизмами самоидентификации имеет наследственную компоненту. Вероятно, члены коллективистских культур склонны в большей степени ориентироваться на “спланивающие” моральные основания, которые не являются непосредственно генетически закрепленными. То же касается и формируемой в процессе социализации в индивидуалистических культурах “Я-идентичности”: можно предполагать, что ее основу составляют “индивидуализирующие” основания заботы и справедливости, соответственно, ориентация на них (ориентация неосознаваемая, интуитивная) и становится основой моральных эмоций и индивидуального поведения.

Впрочем, описанный механизм – лишь предположение, требующее исследования с использованием методов разных дисциплин.

Итак, мы продемонстрировали встречное движение в исследовании моральной сферы со стороны как социальных, так и естественных наук: поиск биологических основ морали в психологии, культурологическую интерпретацию биологических аспектов морали в генетике, социально-психологические объяснения нейрофизиологических закономерностей. Мы предполагаем, что идентичность – феномен, вызревающий отчасти – наследственно, отчасти – культурно-детерминированном движении включения в социальность индивидуализации, нейрофизиологические корреляты которого отзываются на нарушения социокультурных норм калибровкой границы “Я–Другой”, – играет опосредующую роль, интегрируя и трансформируя влияние биологических и культурных факторов. Складывающаяся идентичность закрепляется и уточняется посредством специально выстроенных социальных механизмов и становится своего рода “точкой опоры” в формировании поведения индивида.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Ю.И. От эмоций к сознанию // Психология творчества: Школа Я.А. Пономарева / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006. С. 5–28.
2. Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
3. Александров Ю.И., Александров Н.Л. Комплементарность культур // От события к бытию. Грани творчества Г.В. Иванченко. Сб. научных статей и воспоминаний / Сост. М.А. Козлова. М., 2010. С. 298–335.
4. Вааль де Ф. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.
5. Знаменская И.И., Созинова И.М., Александров Ю.И. Интуитивные и рациональные компоненты морального выбора у детей 3–11 лет // Теоретическая и экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 2. С. 57–70.
6. Корнилова Т.В., Новотоцкая-Власова Е.В. Соотношение уровней нравственного самосознания личности, эмоционального интеллекта и принятия неопределенности // Вопросы психологии. 2009. № 6. С. 61–70.
7. Корнилова Т.В., Чигринова И.А. Стадии индивидуальной морали и принятие неопределенности в ре-

- гуляции личностных выборов // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 69–87.
8. Марков А. Эволюция человека. Кн. 2: Обезьяны, нейроны и душа. М.: Астрель: CORPUS, 2011.
9. Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б. Психология справедливости в зарубежной персонологии: теории и исследования // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 16–32.
10. Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Под ред. Журавлева А.Л., Юревича А.В. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2012. С. 255–268.
11. Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011.
12. Хаузер М. Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла // Пер. с англ. Т. Марютиной, под ред. Ю.И. Александрова. М.: Дрофа, 2008.
13. Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Под ред. В.В. Знакова и Г.В. Залевского. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2008.
14. Шадриков В.Д. Покаяние как фактор формирования совести // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 4. С. 3–13.
15. Швырков В.Б. Введение в объективную психологию: нейрональные основы психики. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2006.
16. Эволюционная и сравнительная психология в России: традиции и перспективы / Под ред. А.Н. Харитонов. Москва, 2013.
17. Adolphs R. The Social Brain: Neural basis of social knowledge // Annual Review of Psychology. 2009. V. 60. P. 693–716.
18. Aiello L.C., Wells J.C. Energetics and the evolution of the genus Homo // Annual Review of Anthropology. 2002. V. 31. P. 323–338.
19. Apicella C., Marlowe F., Fowler J., Christakis N. Social networks and cooperation in hunter-gatherers // Nature. 2012. V. 481. P. 497–502.
20. Bargh J.A., Ferguson M.J. Beyond behaviorism: on the automaticity of higher mental processes // Psychological Bulletin. 2000. V. 126. P. 925–945.
21. Bargh J.A., Morsella E. The unconscious mind // Perspectives on Psychological Science. 2008. V. 3. P. 73–79.
22. Bicchieri M. (Ed.). Hunters and gatherers today. Prospect Heights, IL: Waveland, 1972.
23. Blasi A. Moral Cognition and Moral Action: A Theoretical Perspective // Developmental Review. 1983. № 3. P. 178–210.
24. Blasi A. Moral functioning: Moral understanding and personality // D.K. Lapsley, D. Narvaez (Eds.), Moral development, self and identity: Essays in honor of Augusto Blasi. Mahwah, NJ, 2004.
25. Blurton J.N., Hawkes K., O'Connell J. Measuring and modeling costs of children in two foraging societies: implications for schedule of reproduction // In: V. Standen, R. Foley (Eds). Comparative socioecology: the behavioral ecology of humans and other mammals. Oxford: Blackwell Scientific Publications. 1989. P. 367–390.
26. Boehm C. Hierarchy in the forest: The evolution of egalitarian behavior. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.
27. Bogin B. Adolescence in evolutionary perspective // Acta Paediatrica. 1994. V. 406 (Suppl.). P. 29–35.
28. Bogin B. Patterns of human growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
29. Buckner R.L., Andrews-Hanna J.R., Schacter D.L. The brain's default network: Anatomy, function, and relevance to disease // The Year in Cognitive Neuroscience. 2008. V. 1124. P. 1–38.
30. Chen E., Miller G.E., Walker H.A., Arevalo J.M., Sung C.Y., Cole S.W. Genome-wide transcriptional profiling linked to social class in asthma // Thorax. 2009. V. 64. № 1. P. 38–43.
31. Cima M., Tonnaer F., Hauser M.D. Psychopaths know right from wrong but don't care // SCAN. 2010. V. 5. P. 59–67.
32. Cole S.W., Hawkley L.C., Arevalo J.M., Sung C.Y., Rose R.M., Cacioppo J.T. Social regulation of gene expression in human leukocytes // Genome Biology. 2007. V. 8. P. 189.
33. Cole S.W., Conti G., Arevalo J.M., Ruggiero A.M., Heckman J.J., Suomi S.J. Transcriptional modulation of the developing immune system by early life social adversity // Proceedings of the National Academy of Sciences. US NAS, 2012. V. 109. № 50. P. 20578–20583.
34. Crockett M.J., Clark L., Hauser M.D., Robbins T.W. Serotonin selectively influences moral judgment and behavior through effects on harm aversion // Proceedings of the National Academy of Sciences. US NAS, 2010. V. 107. № 40. P. 17433–17438.
35. Damasio A.R. Descartes' error: Emotion, reason and the human brain. London, UK: Penguin Books, 2005.
36. Damasio A.R., Meyer K. Consciousness: An overview of the phenomenon and of its possible neural basis / In S. Laureys & G. Tononi (Eds.), The neurology of consciousness. London, UK: Elsevier, 2009. P. 3–14.
37. Donaldson Z.R., Young L.J. Oxytocin, Vasopressin, and the Neurogenetics of Sociality // Science. 2008. V. 322. № 3. P. 900–904.
38. Fang G., Fang F., Keller M., Edelstein W., Kehlet J., Bray M.A. Social moral reasoning in Chinese children: A developmental study // Psychology in the Schools. 2003. V. 40. P. 125–138.

39. *Ferguson R.B.* Pinker's list: Exaggerating prehistoric war mortality / In D. P. Fry (Ed.), War, peace, and human nature: Convergence of evolutionary and cultural views. New York: Oxford University Press, 2013. P. 112–131.
40. *Fry D.P.* The human potential for peace: An anthropological challenge to assumptions about war and violence. New York: Oxford University Press, 2006.
41. *Fry D.P.* Human nature: The nomadic forager model / In R.W. Sussman & C.R. Cloninger (Eds.), Origins of altruism and cooperation. New York: Springer, 2011. P. 227–247.
42. *Fry D.P., Souillac G.* The relevance of nomadic forager studies to moral foundations theory: moral education and global ethics in the twenty-first century // Journal of Moral Education. 2013. V. 42. № 3. P. 346–359.
43. *Fumagalli M., Priori A.* Functional and clinical neuroanatomy of morality // Brain. 2012. V. 135. № 7. P. 2006–2021.
44. *Gigerenzer G.* Moral Intuition = Fast and Frugal Heuristics? // Moral Psychology: V. 2. The cognitive science of morality: Intuition and diversity / Ed. W. Sinnott-Armstrong. Cambridge, MA: MIT Press, 2008.
45. *Gilligan C.* In a different voice: psychological theory and women's development. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
46. *Graham J., Haidt J., Koleva S., Motyl M., Iyer R., Wojcik S., Ditto P.* Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism // Advances in Experimental Social Psychology, Forthcoming, 2012.
47. *Greene J.D., Sommerville R.B., Nystrom L.E., Darley J.M., Cohen J.D.* An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment // Science. 2001. V. 293. P. 2105–2108.
48. *Greene J.D., Haidt J.* How (and where) does moral judgment work? // Trends in Cognitive Sciences. 2002. V. 6. P. 517–523.
49. *Haas J., Piscitelli M.* The prehistory of warfare: Misled by ethnography / In D. P. Fry (Ed.), War, peace and human nature: Convergence of evolutionary and cultural views. New York: Oxford University Press, 2013. P. 168–190.
50. *Haidt J.* The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment // Psychological Review. 2001. V. 108. P. 814–834.
51. *Haidt J.* Morality // Perspectives on Psychological Sciences. 2008. V. 3. № 1. P. 65–72.
52. *Haidt J., Graham J.* When morality opposes justice: Conservatives have moral intuitions that liberals may not recognize // Social Justice Research. 2007. V. 20. P. 98–116.
53. *Hawkes K.* Grandmothers and the evolution of human longevity // American Journal of Human Biology. 2003. V. 15. № 3. P. 380–400.
54. *Hawkes K.* Human longevity: the grandmother effect // Nature. 2004. V. 428. № 6979. P. 128–129.
55. *Hrdy S.B.* Mothers and others. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.
56. *Immordino-Yang M.H.* Toward a microdevelopmental, interdisciplinary approach to social emotion // Emotion Review. 2010. V. 2. P. 217–220.
57. *Immordino-Yang M.H.* Me, My “Self” and You: Neuropsychological Relations between Social Emotion, Self-Awareness, and Morality // Emotion Review. 2011. V. 3. № 3. P. 313–315.
58. *Immordino-Yang M.H., McColl A., Damasio H., Damasio A.* Neural correlates of admiration and compassion // Proceedings of the National Academy of Sciences. USA NAS, 2009. V. 106. P. 8021–8026.
59. *Jaffee S., Hyde J.S.* Gender differences in moral orientation: A meta-analysis // Psychological Bulletin. 2000. V. 126. P. 703–726.
60. *Koenigs M., Young L., Adolphs R., Tranel D., Cushman F., Hauser M., Damasio A.* Damage to the prefrontal cortex increases utilitarian moral judgments // Nature. 2007. V. 446. P. 908–911.
61. *Kohlberg L.* Moral development and identification / In H. Stevenson (Ed.), Child Psychology: 62nd Yearbook of the National Society for the Study of Education. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1963. P. 277–332.
62. *Kramer K.L.* Children's help and the pace of reproduction: cooperative breeding in humans // Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews. 2005. V. 14. № 6. P. 224–237.
63. *Leacock E.* Women's status in egalitarian society: Implications for social evolution // Current Anthropology. 1978. V. 19. P. 247–275.
64. *Lee R.B., Daly R.* Introduction: Foragers and others / In R.B. Lee & R. Daly (Eds.), The Cambridge encyclopedia of hunters and gatherers. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 1–9.
65. *Lieberman M.D.* Social cognitive neuroscience: a review of core processes // Annual Review of Psychology. 2007. V. 58. P. 259–289.
66. *Lordkipanidze D., Vekua A., Ferring R., Rightmire G.P., Agusti J., Kiladze G., Mouskhelishvili A., Nioradze M., Ponce de León M., Tappen M., Zollikofer C.* The earliest toothless hominin skull // Nature. 2005. V. 434. P. 717–718.
67. *Lutgendorf S.K., DeGeest K., Sung C.Y., Arevalo J.M., Penedo F., Lucci III J., Goodheart M., Lubaroff D., Farley D.M., Sood A.K., Cole S.W.* Depression, social support, and beta-adrenergic transcription control in human ovarian cancer // Brain, Behavior, and Immunity. 2009. V. 23. № 2. P. 176–183.

68. *Mendez M.F.* The neurobiology of moral behavior: Review and neuropsychiatric implications // *CNS Spectr.* 2009. V. 14. № 11. P. 608–620.
69. *Miller J.G., Bersoff D.M.* The Role of Liking in Perceptions of the Moral Responsibility to Help: A Cultural Perspective // *Journ. of Experimental Social Psychology.* 1998. V. 34. P. 443–469.
70. *Miller J.G., Bersoff D.M., Harwood R.L.* Perceptions of social responsibilities in India and the United States: Moral imperatives or personal decisions? // *Journ. of Personality and Social Psychology.* 1990. V. 58. P. 33–47.
71. *Miller G.E., Chen E., Sze J., Marin T., Arevalo J. M., Doll R., Ma R., Cole S.W.* A functional genomic fingerprint of chronic stress in humans: Blunted glucocorticoid and increased NF-kB signaling // *Biological Psychiatry.* 2008. V. 64. P. 266–272.
72. *Miller G.E., Chen E., Fok A.K., Walker H., Lim A., Nicholls E.F., Cole S., Kobor M.S.* Low early-life social class leaves a biological residue manifested by decreased glucocorticoid and increased proinflammatory signaling // *Proceedings of the National Academy of Sciences. US NAS,* 2011. V. 106. P. 14716–14721.
73. *Moll J., Schulkin J.* Social attachment and aversion in human moral cognition // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews.* 2009. V. 33. № 3. P.456–465.
74. *Pettitt P.B.* Neanderthal lifecycles: Developmental and social phases in the lives of the last archaics // *World Archaeology.* 2000. V. 31. № 3. P. 351–366.
75. *Provençal N., Suderman M.J., Guillemin C., Massart R., Ruggiero A., Wang D., Bennett A.J., Pierre P.J., Friedman D.P., Côté S.M., Hallett M., Tremblay R.E., Suomi S.J., Szyf M.* The signature of maternal rearing in the methylome in rhesus macaque prefrontal cortex and T cells // *Journ. of Neuroscience.* 2012. V. 32. № 44. P. 15626–15642.
76. *Rest J.R., Narvaez D., Thoma S.J., Bebeau M.J.* A Neo-Kohlbergian approach to morality research // *Journ. of Moral Education.* 2000. Vol. 29. P. 381–395.
77. *Reynolds S.J., Ceranic T.L.* The effects of moral judgment and moral identity on moral behavior: an empirical examination of the moral individual // *Journ. of Applied Psychology.* 2007. V. 92. P. 1610–1624.
78. *Schirrmann F.* Invoking the brain in studying morality: A theoretical and historical perspective on the neuroscience of morality // *Theory Psychology.* 2013. V. 23. № 3. P. 289–304.
79. *Sear R., Mace R., McGregor I.A.* Maternal grandmothers improve nutritional status and survival of children in rural Gambia // *Proceedings of the Royal Society. Series B: Biological Sciences.* 2000. V. 267. № 1453. P. 1641–1647.
80. *Takahashi H., Kato M., Matsuura M., Mobbs D., Suhara T., Okubo Y.* When you gain is my pain and your pain is my gain: Neural correlations of envy and schadenfreude // *Science.* 2009. V. 323. P. 937–939.
81. *Tancredi L.R.* Hardwired behavior: What neuroscience reveals about morality. NY: Cambridge University Press, 2005.
82. *Trinkaus E.* The Shanidar Neandertals. NY: Academic Press. 1983.
83. *Turkheimer E.* Three laws of behavior genetics and what they mean // *Current Directions in Psychological Science.* 2000. V. 9. № 5. P. 160–164.
84. *Turner J.H.* Natural Selection and the Evolution of Morality in Human Societies / In S. Hitlin & S. Vaisey (eds.), *Handbook of the Sociology of Morality.* New York: Springer. 2010. P. 125–145.
85. *Turner J.H., Stets J.E.* Moral Emotions / In J.E. Stets, J.H. Turner (eds.), *Handbook of the Sociology of Emotions.* New York: Springer. 2006. P. 544–566.
86. *Wagner A.D., Shannon B.J., Kahn I., Buckner R. L.* Parietal lobe contributions to episodic memory retrieval // *Trends in Cognitive Sciences.* 2005. V. 9. P. 445–453.
87. *Wells J.C.* The thrifty phenotype hypothesis: thrifty offspring or thrifty mother? // *Journ. of Theoretical Biology.* 2003. V. 221. № 1. P. 143–161.
88. *Wilhelm M., Bekkers R.* Helping Behavior, Dispositional Empathic Concern, and the Principle of Care // *Social Psychology Quarterly.* 2010. V. 73. № 1. P. 11–32.
89. *Williams G.C.* Pleiotropy, natural selection, and the evolution of senescence // *Evolution.* 1957. V. 11. P. 398–411.
90. *Woodburn J.* Egalitarian Societies // *Man (N.S.).* 1982. V. 17. № 3. P. 431–451.
91. *Yoder K.J., Decety J.* The Good, the Bad, and the Just: Justice sensitivity predicts neural response during moral evaluation of actions by others // *Journ. of Neuroscience.* 2014. V. 34. № 12. P. 416–419.
92. *Young L., Koenigs M.* Investigating emotion in moral cognition: a review of evidence from functional neuroimaging and neuropsychology // *British Medical Bulletin.* 2007. V. 84. № 1. P. 69–79.
93. *Zajonc R.B.* Feeling and thinking: Preferences need no inferences // *American Psychologist.* 1980. V. 35. P. 151–175.

THE ORIGINS OF INDIVIDUAL-ORIENTED AND GROUP-ORIENTED MORALITY: SOCIAL-PSYCHOLOGICAL AND SCIENTIFIC ASPECTS

M.A. Kozlova*, A.I. Kozlov**

** Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow;*

*** Senior Research Fellow, Research Institute and Museum of Anthropology, Moscow State University,
Moscow*

The answer to the question about the sources of cultural-specific and universal aspects of morality demands for the reference to social psychological and anthropological researches. The review is oriented to the verification of the concept of “moral grounds” (J. Haidt). We substantiated hereditary determinism of individualizing moral foundations – care and justice, while genetic tightness of group-oriented morality – ingroup cohesion and vertically is challenged. Appeal to neurobiological research allows us to imagine the brain as a communication point between genetics and environment. We considers the study of moral sphere through the prism of identity as the direction of possible integration of psychological, anthropological, genetic, and neurobiological approaches.

Key words: moral foundations, the anthropology of morality, group-oriented morality, care, identity.